

дух и свирепо обжигало лучами людей, не сумевших найти себе укрытие. Время от времени порывы ветра швыряли пыль, и даже мелкие камешки, словно шрапнель в лицо, и всюду проникающий мелкий песок хрустел на зубах.

Кабульский аэродром вблизи «Теплого стана» жил своей бурной и шумной боевой жизнью. Ежеминутно взлетали на бомбежку парами штурмовики «Грачи», через некоторое время, опустошив боезапас, уцелевшие возвращались на базу, вереницы вертушек уносили взвода и роты на очередную операцию в горы, в сторону Пагмана, а четверки «крокодилов» с километровой высоты, поливая «нурсами» горные хребты, как могли, прикрывали группы десантирующихся.

Горнотрестовый полк рано утром ушёл на выполнение задачи, в батальоне остались лишь больные и выздоравливающие. Всё шло обыденно, и как говорится во французской поговорке: на войне как на войне! Одним предписано идти в рейд, других везут в госпиталь, а третьих уже упаковывают в «цинки». А самые счастливики едут домой: в отпуск или по замене.

Эдуард прищурившись, неприязненно посмотрел на высокогорные ледники – сколько сил и здоровья оставил там! Величавые заснеженные горные вершины застывшие вокруг древнего города, были равнодушны к суетящимся у подножья людям. Да и стены древнего Кабула видели очень многое и если бы могли говорить, то поведали бы о набегах кочевников, о нашествиях войска Александра Македонского, о вторжении английских экспедиционных корпусов...

Капитан Громобоев с грустью на сердце прощался с друзьями на краю «взлётки», нынче он возвращался домой – два года непрерывной войны успешно завершились. И хотя слегка был ранен, немного контужен, чуть подморожен зимой на высокогорном леднике и хорошенько прогрет на солнцепёке, но без увечий для здоровья и главное дело – живой. А могло быть гораздо хуже, за время боёв он потерял несколько друзей: двух командиров рот, начальника штаба, взводного-сапёра, батальонного разведчика, замполита роты...

Провожжающие то хмурились, то улыбались, и расставались с другом явно с неохотой. Старший лейтенант Сашка Афанасьев и прапорщик Вадик Гонза с нескрываемой завистью смотрели на уезжающего, им тоже хотелось домой, однако бодрились, громко болтали, смеялись и много пили. Дружная компания, покачиваясь на нетвёрдых ногах (ведь после вчерашнего возлияния, они добавили добрую новую порцию хмельного), стояла полукругом возле капота запыленного «Уазика», превращенного в стол.

Импровизированный «достархан» был застелен основательно заляпанной жиром газетой «Правда», уставлен стаканами, открытыми банками рыбных консервов и тушёнки, а в алюминиевой солдатской тарелке лежали недоёденные вчерашние голубцы.

Вылет «борта» откладывался уже несколько раз и задерживался дольше четырёх часов. Пузатую громадину «Ил-76» неспешно грузили чьим-то добром,

поэтому пассажиров не подпускали и держали на удалении. Приятели допивали бутылку «Арарата» и сожалели об отсутствии второй.

- Я же говорил, что будет маловато – этим не опохмелится! – возмущался красавчик Вадик. Этот кудрявый и голубоглазый прапорщик был грозой женского модуля, обитательницы которого сдавались ему почти без боя и чаще всего «за так». И на халяву выпить он был тоже не дурак. – Надо было купить ещё одну...

- Так и купил бы! В чём проблема? Болтался целый час неизвестно где!

- Я бойцу помогал! – парировал упрёк Гонза. – Смотрю, стоит неприкаянный солдат на обочине, грустит. Жалко стало, спросил в чём дело. Оказалось наш, однополчанин, с заставы из третьего батальона. Вылечился после желтухи, за ним не приехали, а из госпиталя выписали, ему тыловые крысы сказали: иди и жди старшего. А этот старший где-то загулял. Может запил? Боец с утра стоял и не знал, куда ему приткнуться. Я его на попутку до Сурубиды посадил, а то не ровен час ещё пропадёт.

- Молодец! Хвалю за гуманизм. Но для нас почему всего бутылку одну взял? – недоумевал и одновременно возмущался Афанасьев, широко улыбаясь и демонстрируя два ряда ровных и красивых зубов. – Пошёл же дурака за бутылкой – он одну и возьмёт...

Улыбчивый русоволосый старший лейтенант был почти двухметровым крепышом. Широкоплечий, длиннорукый, неуклюжий, похожий на медведя, однако добрый, просто так мухи не обидит. Со стороны Афоня казался богатырём, сошедшим с картины о русских былинах. Обычный граненый стакан в его ладони размером с лопату был едва виден, и больше походил на рюмку. Сейчас Сашка с сожалением смотрел на быстро пустеющую ёмкость и тяжко вздыхал.

- Сам дурак! Проблема в деньгах! – огрызнулся прапорщик после короткой паузы вызванной пережевыванием большого куска мяса. – Дали мне двадцать чеков, на бутылку, я и взял одну, а не поспешили бы, не пожаловали – купил бы две или три.

- А свои добавь – слабо?

- Я же говорил, я – пуст! Ей-ей, не вру! – Гонза продемонстрировал отсутствие финансов, вывернув наружу карманы. – Не попади я тогда на выходе с задачи в засаду – мы сейчас были бы в шоколаде! Который день клянусь последними словами – это надо же такая удача привалила – взял кассу банды! И всё бездарно прошляпил! И нет бы, сразу дать ходу из кишлака – решил ещё и боевые трофеи взять – погнался за орденом! И на хрен мне был тот сраный ДШК? Он нам не мешал, «духи» нас не видели, но, я же, как дурако, велел бойцам меня прикрывать, и полез забрасывать расчёт пулемёта гранатами. Представляете, пополз с полным мешком пайсы!

- Эдик, он решил вместо тебя, героем стать! Хотел получить «Звезду Героя» посмертно?

- Ага, захотел второй орденом...

- Конечно, получишь. Теперь дадут за ранение, в жопу, – улыбнулся Афоня. –

Полный мешок, говоришь... наверняка, врешь... Поди, нашёл лишь горсть мятых «афошек», а трёпа на миллион!

- Первое, что я хочу сказать – ранение не в жопу, а в бедро! Второе. Миллион там был и не меньше! Ей-ей не вру! Подполз поближе, две гранаты швырнул, и вроде двоих из расчёта пулемёта завалил, а охранение с двух стволов как по мне долбанёт! Я распластался как медуза, в землю вжимаюсь, пыль глотаю, молюсь Богу, прощаюсь с жизнью. Духам меня не видно, но вещмешок над землей торчит, словно мишень. По нему они и жахнули, очередь прошла рюкзак и порвала в клочья, смотрю – вокруг бумага летает, меня демаскирует. Я про ту «пайсу» и думать забыл, жизнь дороже, стянул с себя, отшвырнул его подальше...

- Ай, молодец! Дал ему на один рейд поносить счастливый лифчик-разруку на удачу, новый мешок, новый горник, новый маскхалат и что в итоге? Где всё вещи? Пошло прахом, ни одной военной шмотки у меня не осталось на память о войне...

Симпатия Гонза надулся и покраснел.

- Хватит уже укорять, и так стыдно. Только и думать мне было про горный костюм в мешке. Но если б даже и вспомнил, то честное слово, деньги кинул бы, пропади они пропадом, а горник твой даже под пулями забрал бы...

- Да ладно, я не со зла... Ладно горный костюм и мешок, а где мой лифчик?

- В госпитале спёрли вместе с маскировочным халатом. Кстати, твой маскхалат мне жизнь спас, я слился с травой, пуля лишь чиркнула, а в хэбэшке меня б точно добила...

- Я ж говорю, ловлю на слове! Ты мой должник! – Громобоев хлопнул Вадима по плечу. – С тебя магарыч, готовь цистерну самогона!

- Приедешь в Жмеринку, налью! Короче говоря, отполз я в сторону, а духи по-прежнему лупят в тот мешок из всех стволов. Наверняка потом когда нашли денежные клочки – переживали! И вот, когда я почти отполз к разведчикам, духи долбанули из гранатомета по дуваду, стена рухнула – меня и присыпало. Хорошо бойцы сразу откопали! Легко отделался, бедро зажило быстро, голова пару дней поболела, лишь немного поблелал...

БОЕВОЕ БРАТСТВО: ФОТОХРОНИКА

